

Выслушав слова Чэн Цзайе, Цзян Шоуянь счёл их нелепицей, но вечером, принимая душ, его посетили весьма неоднозначные мысли.

Площадь люкса была значительно больше, чем у других категорий номеров, ванная комната разделена на сухую и влажную зоны, причём ванна и душевая кабина стояли отдельно. После того как Цзян Шоуянь ополоснулся под душем, он перебрался в соседний отсек, чтобы полежать в ванне. Возможно, потому, что лайнер был построен романтичными французами, некоторые детали интерьера здесь оказались весьма двусмысленными.

Цзян Шоуянь лежал в гидромассажной ванне, погружаясь в дремоту под воздействием бурлящих потоков воды. Свет потолочных ламп казался слишком резким, и он, прищурившись, попытался разобраться в кнопках управления на панели рядом. Его пальцы случайно коснулись клавиши, на которой был знак, отдалённо напоминающий символ освещения.

Яркий верхний свет со щелчком погас, зато по периметру стен и вокруг зеркала вспыхнула мягкая белая подсветка, выделившая лишь зону джакузи. Цзян Шоуянь остался доволен таким освещением и уже собрался убрать руку, как вдруг края ванны медленно озарились розово-фиолетовыми свечением. Поверхность воды окрасилась в интимный бледно-розовый оттенок, и Цзян Шоуянь оказался окутан этим цветом. Именно в этот момент вошёл Чэн Цзайе.

Полная нагота не могла скрыть ни малейшей перемены: им было достаточно обменяться взглядами, чтобы ситуация вышла из-под контроля. Цзян Шоуянь всё ещё принимал лекарства, поэтому его порог чувствительности был ниже обычного и кратковременные стимулы не позволяли ему достичь вершины наслаждения. Он вглядывался в глаза Чэн Цзайе, не понимая, ощущения сейчас намного острее, чем раньше, из-за того что они так долго были в разлуке или по какой-то иной причине.

Он издал сдавленный стон, выражение лица Чэн Цзайе оставалось подчёркнуто холодным. Если бы не возбуждение, которое упиралось в него, Цзян Шоуянь почти поверил бы в абсурдную иллюзию, что перед ним кто-то чужой, а всё происходящее — лишь плод его воображения.

Поскольку Чэн Цзайе никогда прежде не смотрел на него так отстранённо, Цзян Шоуянь в недоумении протянул руку и медленно сжал его щёки. Его голос, пронизанный дрожью, взлетел на необычайно высокие ноты:

— Что с тобой такое?

Взгляд Чэн Цзайе на мгновение потемнел, он был на грани того, чтобы утратить контроль над своим лицом. Он опустил глаза, избегая взгляда Цзян Шоуяня, но у него не было свободной руки, чтобы ответить на его ласку. Чэн Цзайе продолжал воздействовать на одну потаённую точку, подушечки его пальцев скользили по влажному и податливому входу. Он видел, как эта бабочка в воде дрожит всё сильнее, пока Цзян Шоуянь не выгнулся дугой, тяжело дыша и касаясь лбом его виска.

Чэн Цзайе убрал руку, погладил его мелко подрагивающую спину и вежливо поинтересовался, стоит ли продолжать. Цзян Шоуянь ничего не ответил, не осознавая, какая подавленная опасность таится в голосе Чэн Цзайе. Он прижался губами к уху партнёра и, обжигая дыханием, стал целовать его шею.

Чэн Цзайе обхватил его лицо и влажным, полным напряжения взглядом окончательно подчинил его себе. Взор Цзян Шоуяня блуждал, колени предательски подгибались, и он едва не сполз в воду, но Чэн Цзайе вовремя подхватил его. Он вынес его из ванной, и от этой тряски у Цзян Шоуяня невольно покатались слёзы. Однако это не вызвало у Чэн Цзайе ни капли нежности — напротив, он стал только напористее.

Цзян Шоуянь запрокинул голову, принимая его яростные поцелуи, и начал задыхаться. Попытался отстраниться, но Чэн Цзайе перехватил его запястья и прижал к изголовью кровати, лишив возможности даже нормально вдохнуть. Сквозь пустоту, заполнившую мозг, Цзян Шоуянь смутно осознал: Чэн Цзайе, кажется, злится. Но он никак не мог понять, в чём причина.

Чувство, близкое к удушью, заставило его кожу покрыться мурашками, а тело — сотрясаться

неконтролируемой дрожью. Чэн Цзайе, медленно разорвав поцелуй, позволил ему глотнуть воздуха. Цзян Шоуянь жадно вдохнул — и, содрогнувшись, достиг пика наслаждения, которого ему так долго не удавалось достичь из-за лекарств.

Однако Чэн Цзайе не остановился, медленно изматывая партнёра. Цзян Шоуянь, не в силах вынести этого, беспомощно мотал головой, а уголки его слегка прищуренных глаз, влажные и покрасневшие, выглядели пугающе соблазнительно.

Чэн Цзайе вспомнил бар в отеле днём и того мужчину, что сидел напротив Цзян Шоуяня.

— (Ты прекрасен, я хочу угостить тебя этим бокалом вина), — прошептал он на французском.

Молодое лицо с восточными чертами в полумраке комнаты. Тёмные волосы мягко покоятся на кремовом диване. Цзян Шоуянь медленно перевёл взгляд на Чэн Цзайе, поймав на радужки отражение серого дневного неба. В этой ледяной невозмутимости было что-то такое, что пробуждало в Чэн Цзайе неконтролируемое желание нарушить её.

Цзян Шоуянь вздрогнул: эта фраза показалась ему знакомой. Чэн Цзайе наклонил голову и, коснувшись его уха, повторил снова:

— (Ты прекрасен, я хочу угостить тебя этим бокалом вина).

Цзян Шоуянь вспомнил. Широко открыв глаза, он схватился за плечи Чэн Цзайе и медленно покачал головой:

— Нет, я не...

Чэн Цзайе вредничал и намеренно дразнил его.

— (Чего ты не делал?) — по-немецки спросил он.

Цзян Шоуянь не понимал слов. Его пальцы непроизвольно дрожали; срываясь в плач, он хрипло простонал:

— Я не понимаю... Не понимаю...

Чэн Цзайе слегка усмехнулся и с притворной жалостью повторил вопрос на португальском:

— (Чего ты не понимаешь?)

Этот язык показался Цзян Шоуяню спасительной соломинкой. Его мозг, полностью захваченный иными ощущениями, с трудом складывал слова:

— (Я... отказался от вина, которое он предложил...)

Чэн Цзайе до дрожи глубоко вжался в него:

— (Так чего же ты хочешь?) — фраза звучала на английском.

Слёзы Цзян Шоуяня продолжали течь бесконечным потоком. Он плакал так жалобно, но не мог заставить себя оттолкнуть человека напротив. Он и сам не знал, чего хочет, и лишь бессвязно твердил:

— (Пожалуйста, пожалуйста...)

Этот шёпот был таким мягким и нежным. Чэн Цзайе провёл пальцем по его влажному от пота виску. Тусклый жёлтый свет лампы отразился в его золотисто-карих глазах, которые в этот миг казались тёмными, словно у зверя, не знающего пощады.